

Высота

Владимир СВИНЦОВ,

секретарь Правления Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ им. В.М. ШУКШИНА

Василий Макарович Шукшин – неординарное явление мирового масштаба. Это сейчас неоспоримо. Да, было время, когда его не признавали, не ценили и, к сожалению, в первую очередь у нас – на Алтае – его Родине. Сегодня все те, кто не признавал талант Шукшина, кто критиковал и ругал его, незаметно перешли на противоположную сторону и присоединили свои голоса к мощному хору восхищений. Сейчас они чуть ли не первооткрыватели шукшинского таланта и наипервейшие друзья. Так всегда в России!..

Во времена Шукшина я был начинающим литератором и не участвовал в спорах: кто такой Шукшин – гений или бездарь? У меня не было специального литературного образования, и мой голос ничего не значил, хотя кажущаяся резкость, выпуклость языка Шукшина мне импонировала. Особенно мне нравилось его немногословие в начале произведений – он сразу «брал быка за рога». И я, честно признаюсь, пытался подражать ему. Этот стиль я сохранил до сих пор.

Должен сказать, что все молодые алтайские писатели того времени были «за» Шукшина и как могли противостояли его критикам. Хотя, что они могли?! Критики же чувствовали за своей спиной поддержку крайкома КПСС и старались вовсю, – нет профока в родном отечестве!

Прискорбно, но именно по этой причине Василий Макарович ни разу не был в Алтайском филиале Союза писателей России (так тогда называлась Алтайская краевая писательская организация), и я его ни разу не видел. Но значение и влияние Шукшина неоспоримо и неопределимо для наших писателей. Именно поэтому писатели Алтая первую свою литературную премию назвали именем знаменитого земляка. Заметьте, еще во времена крайкома КПСС, и крайком этот был одним из учредителей, правда, уже после смерти Василия Макаровича и после его всемирного признания.

Сейчас у нас две премии им. В.М. Шукшина. Учредители их Алтайкапиталбанк (руководитель – И.В. Германенко) и Сибэнергоуглеснаб (руководитель – А.В. Мельников). Эти премии на Алтае самые престижные, самые ценные.

Надеемся, что премии эти сохранятся, пока будет жива память о Василии Макаровиче Шукшине. А память о нем будет вечная. Далее – слово лауреатам.

Александр РОДИОНОВ

ШУКШИН. РУССКОЕ ПОЛОТНО

Хорошо известно, что в кинематограф Василий Шукшин входил через мастерскую Михаила Ромма. Но пришел он в творческую лабораторию со своим жизненным опытом. Здесь речь не о том, что Шукшин перепробовал много рабочих профессий, или о том, что

он служил на флоте. Для меня куда более важен его опыт отрочества и юности. Вопрос вот какой – кто был идеалом актерской игры на экране для Шукшина, когда он перешагнул порог мастерской Ромма?

У меня нет никаких точных данных – когда в Сrostки впервые привезли фильм «Чапаев», вышедший на экраны страны в 1934 г. Пять лет Шукшину в это время. Но увидеть фильм он мог и в 10 и в 15 лет, в чем я не сомневаюсь. И смотрел он этот фильм неоднократно. Через Чапаева происходило вживание подростка в трагедию гражданской войны. Да нет, не через Чапаева, а через игру киноактера Бабочкина! Шукшин всю свою кинематографическую жизнь боролся с подражанием юношескому идеалу, но он так прочно жил в нем, что порой прорывался интонационно, порывисто в самых неожиданных эпизодах. Рядом с порывом – хитреца, ирония, крестьянская осторожность... И взрывное решительное действие...

Не знаю, на каком этапе совершенствования души у Шукшина произошло расставание с геройством Чапаева и развивалось понимание актерской силы и достоверности Бабочкина. Бабочкин заслонил собой Чапаева, и началось его преобладание в мечте. Думаю, что Шукшин никогда не мечтал стать Чапаевым, но играть так, как Бабочкин, – об этом в юности могло мечтаться.

И далее. Шукшин расстался с геройством Чапаева, как только он поставил его в один ряд со Степаном Разиным. Откуда Разин? Из песни. На Алтае еще и в моей юности пели «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны...». Это сейчас подростки рвут гитарные струны при полном отсутствии смысла гремучих слов. Но в предвоенные и в послевоенные годы эту песню пели и отроки и юноши, не говоря о взрослых. Когда для Шукшина Разин и Чапаев соединились в одной ткани русской истории – мне неизвестно. Но то, что он постепенно ткал свое собственное полотно русской истории, – доказывать не нужно. И даже попытка Шукшина поступать в историко-архивный институт – тому подтверждение.

И вот о шукшинском полотне русской истории. Известно, что Василию Макаровичу неоднократно отказывали в съемках фильма «Степан Разин». Бурков, было дело в Бийске, в гостинице, повторял его слова: «...Ну, отработаем еще одну барщину (снимемся у Герасимова или Бондарчука), а тогда и... Разина». Шукшин так и умер на барщине вместо съемок своей мечты.

Сегодня я думаю – а может быть, судьба распорядилась верно, не позволив Василию Макаровичу снять «Степана Разина»? Многочисленные препоны перед постановкой кинокартины усадили Шукшина за стол, и он как сермяжный ткач на суровой нитке мудрости сотворил свое полотно русской истории – «До третьих петухов».

И главный герой в этой истории вовсе не бунташный Стенька Разин. Автор уже усадил его на полку рядом с другими персонажами, и Стенька только время от времени выхватывает из ножен сабельку. А кто его осаживает? Верно. Сидень многолетний – Илья Муромец. Будучи не волжским разбойником, а героем национальным, Илья давным-давно уразумел – просто так, без испытания, без подвоха окрестного, без поругания намеренного стороннего – русского пути нет. И герой шукшинский – Иван в ткани русской истории – это сквозная красная нить. Можно бы побрякать терминологией и навертеть: Шукшин осмыслил сказки, мифологию, выстроил свою историософию, да только здесь этого не надо.

«Смотри, Ванька. Смотри!..» – настораживает Илья. И вот уперся Ваня в стену самого главного монастыря России – Кремля, и что же слышит и видит он? В Кремле то ли бесы, то ли хасиды свой праздник пляшут. «Смотри, Ваня! Смотри...» Илья! Сидень карачаровский-муромский! Не пора ли Ване призадуматься, репу почесать – кто и как попал за краснотубчатую стену? В каком обмороке национальном надо пребывать, чтобы это произошло?

Оставляя за кадром золотой запас шукшинских рассказов, хочу заметить, что лучшее и самое дорогое сердцу русскому полотну, созданное Василием Макаровичем, – это «До

третьих петухов», ибо в повествовании по воле автора переплелись кровеносные жилы русской истории, в которой рано ставить точку и многоточие. Именно в этом произведении Шукшин вышел на главную глубину русской заботы.

Иван КУДИНОВ

ШУКШИН. НРАВСТВЕННЫЙ ОРИЕНТИР

Так случилось, что, бывая не однажды, как говорится, в двух шагах от Шукшина, встретить его ни разу не довелось. Помню свой первый поход в редакцию «Сибирских огней» с новой рукописью, которую намеревался передать лично, из рук в руки, заместителю главного редактора Яновскому, критику умному, объективному, но... не застал его. В приемной, узенькой промежуточной комнате, похожей на тире между кабинетами главного и его зама, секретарша вежливо пояснила: «Николая Николаевича нет, – и кивнула на плотно прикрытую дверь. – Там у него автор сидит». Позже, встретившись с Яновским, я шутливо попенял: «Оказывается, вы запираете авторов в своем кабинете?» Он удивленно вскинул брови и улыбнулся: «Так это же был Шукшин. – И, видя мое изумление, подтвердил: – Да-да, Шукшин. По второй части его романа «Любавины» есть замечания, надо было срочно поправить и дописать одну главу... Вот я и оставил его в своем кабинете».

Сказать по правде, тогда я отнесся к этому довольно спокойно и даже с юмором, сейчас же, по прошествии многих лет, как бы спохватился: столь близко от Шукшина, как в тот момент, я никогда больше не был – ведь стоило только дверь открыть... Увы! Эта плотно прикрытая дверь – «там автор сидит» – видится мне и посейчас...

Был и еще случай, когда встреча казалась неизбежной. Проходило какое-то идеологическое зональное совещание в одном из совхозов Бийского района. Организаторы решили (для разнообразия) залучить на него и В.М. Шукшина – он в то время заканчивал съемки фильма «Печки-лавочки». Кинулись разыскивать его – и, кажется, нашли. Однако Шукшин так и не появился – то ли был слишком занят, то ли не захотел встречаться с идеологами... Последнее утверждать не берусь. Скажу одно: «отторженность» Шукшина в те годы была весьма заметной, временами даже вызывающей – и не его в том вина. Слишком велика была инерция местнических взглядов, партийного высокомерия, обернувшегося элементарной близорукостью... И не случайно при жизни Шукшин не напечатал на Алтае ни единой строчки (что, между прочим, не столько ему нужно было, сколько Алтаю), ни разу, как мне помнится, не заезжал он и в Барнаул, где не шибко-то его жаловали... Считали зазнавшимся, «оторвавшимся от жизни», как сказано было в одной из статей, посвященных фильму «Печки-лавочки» и опубликованной (по «партийному» заказу) в «Алтайской правде». Подобного толка статьи появлялись и в других алтайских газетах. Получал Шукшин и анонимные письма с родины – заказчики были известны, а исполнители всегда находились. «Не бери пример с себя, не позорь свою землю...» – упреждали Шукшина. «Письмецо короткое и убийственное», – не без горечи говорил Шукшин.

Между прочим, иные «исполнители» и поныне здравствуют, пишут воспоминания, пытаются смягчить *бывшее*, утверждают, что-де Шукшин спокойно, с пониманием относился к столь резкой критике... И лгут, как всегда. «Сказать, что я все это принял спокойно, значит, зачем-то скрыть правду, – отвечал своим хулителям Шукшин. – Правда же тут в том, что все это, и письма и рецензии, неожиданно и грустно. В фильм я вложил много труда... вложил в него мою любовь к родине, к Алтаю... и я думал, что это-то не останется незамеченным».